

*А.В. Чудинов**

**ПАДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЭЛЬ-АРИША.
Декабрь 1799 г.**

Статья посвящена переломному моменту истории Египетского похода Восточной армии Франции – с августа по декабрь 1799 г. Тогда, после бегства из Египта Наполеона Бонапарта, его преемник генерал Клебер вынужден был срочно принять руководство войсками и оккупационной администрацией, одновременно пытаясь дипломатическими усилиями предотвратить вторжение османской армии из Сирии. Тонко спланированная военно-политическая комбинация Клебера, стремившегося сыграть на противоречиях держав антифранцузской коалиции, потерпела крах в силу ряда не зависевших от него обстоятельств и, в частности, из-за катастрофического упадка морали и боевого духа французских оккупационных войск после года их пребывания на Востоке. Результатом дипломатической неудачи Клебера стало падение французского приграничного форта Эль-Ариш, оказавшееся одним из наиболее тяжких поражений Восточной армии в ходе Египетской экспедиции.

Ключевые слова: история, Франция, Египетский поход 1798-1800 гг., оккупация, дипломатия, Н. Бонапарт, Ж.Б. Клебер

Введение

В истории Египетского похода, начатого Восточной армией Наполеона Бонапарта в 1798 г. и продлившегося три года, название форта Эль-Ариш, что расположен на границе между Синайским полуостровом и Палестиной, оказалось связано с тремя очень важными событиями. В феврале 1799 г. блестящая операция по захвату Эль-Ариша дивизией генерала Ж.Л.Э. Рейнье открыла Сирийскую кампанию Бонапарта. В декабре 1799 г. турки взяли реванш, разгромив французский гарнизон Эль-Ариша. И наконец, 23 января 1800 г. французы и турки заключили в Эль-Арише договор об эвакуации Восточной армии из Египта, хоть и не реализованный в полной мере, но определивший всё последующее развитие экспедиции.

* Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН; главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

В настоящей статье речь пойдет о втором из названных событий, которое, несмотря на свой, казалось бы, локальный масштаб – падение приграничного форта, – отразило в концентрированном виде специфику стратегического противоборства в тот период Франции, Османской империи, Великобритании и России за доминирование в Восточном Средиземноморье. Этот эпизод так или иначе затрагивался практически во всех обобщающих историях Египетского похода¹, авторы которых, однако, освещали его сугубо с французской точки зрения. Столь односторонний взгляд был обусловлен спецификой находившихся в их распоряжении источников, поскольку в научный оборот до сих пор введены лишь соответствующие французские документы. Обнаруженный мною в Архиве внешней политики Российской империи обширный массив источников, характеризующих ситуацию в осаждавшей Эль-Ариш османской армии, позволяет получить более объемную картину происшедшего и дает основание вновь обратиться к анализу данного события, которое к тому же в отечественной историографии пока еще не было предметом отдельного исследования.

В своей работе я опираюсь как на ранее опубликованные источники, так и на впервые вводимые в научный оборот архивные документы. Из первых наиболее ценной представляется обширная подборка франкоязычных документов по данному сюжету, выпущенная в 1945 г. знаменитым французским востоковедом Гастоном Вьетом, и, особенно, впервые опубликованный в ней «Исторический дневник» капитана П.Ф.К. Бушара, участника обороны Эль-Ариша². Полезным дополнением к этому изданию служат известная пятитомная публикация источников по истории Египетской экспедиции, подготовленная в начале XX в. К. Ла Жонкьером³, и второй и третий тома корреспонденции французского главнокомандующего Ж.Б. Клебера, выпущенные в 1988 и 1995 гг. А. Лорансом⁴. Помимо этих, хорошо знакомых исследователям источников, я использовал хранящиеся ныне в АВПРИ донесения послу России в Константинополе от русского дипломата итальянского происхождения, коллежского асессора Энрике Франкини из ставки великого визиря. Написанные по-итальянски, эти донесения переводились в посольстве на французский язык и прилагались к реляциям посла Павлу I.

¹ См., например : *Laurens H. L'expédition d'Égypte 1798-1801*. P., 1997. P. 342-344.

² *La chute d'El-Arich (Décembre 1799) / Préfacé et annoté par G. Wiet*. Le Caire, 1945.

³ *La Jounquière C. L'expédition d'Égypte (1798-1801)*. Nouv. éd. P., 2003. 5 vols.

⁴ *Kléber en Égypte 1798-1800*. T. 2-3. P., 1988-1995.

Наполеоновские планы

К концу первого года Египетской экспедиции Восточная армия пребывала в незавидном положении. После гибели французской эскадры в морском сражении при Абукире 1-2 августа 1798 г. французские войска оказались блокированы в Египте английским флотом, не имея возможности получать пополнения из метрополии. Между тем, сражения с турецкими армиями, с партизанскими отрядами мамлюков и арабов, чума и другие болезни неуклонно сокращали ряды французской армии. Надеяться же на помощь из Франции не приходилось, так как случайно попадавшие в Египет европейские газеты сообщали о всё новых поражениях Республики в войне против Второй коалиции.

Не видя для себя дальнейших перспектив в ранее затеянной им же экспедиции, главнокомандующий Восточной армии Наполеон Бонапарт 22 августа 1799 г. тайно покинул Египет и с ближайшим окружением отправился, как сам объяснил, «спасать Францию». Свой пост он оставил дивизионному генералу Жан-Батисту Клеберу. Поскольку передача полномочий происходила заочно, и Клебер к своему изумлению узнал лишь из письма предшественника о том, что теперь отвечает за все, Бонапарт приложил к этому письму подробные инструкции относительно того, как преемнику следует вести дела военные, административные и политические.

Главным из требований уезжающего военачальника к остающемуся было удерживать захваченную страну до последнего: «Вы лучше, чем кто-либо другой, гражданин генерал, можете оценить, насколько владение Египтом важно для Франции. Турецкая империя, которая грозит обрушиться с любой из сторон, сейчас разваливается, и эвакуация французов из Египта стала бы еще большим несчастьем от того, что на наших глазах сия прекрасная провинция перешла бы в руки других европейцев»⁵. Только в самом крайнем случае – если к маю 1800 г. из Франции не будет ни вестей, ни подкреплений и если к тому же за это время чума унесет полторы тысячи жизней французских солдат – Бонапарт разрешал преемнику заключить с турками соглашение об эвакуации Восточной армии из Египта, посоветовав только затянуть реализацию этой меры насколько возможно⁶.

⁵ *La Jounquière C.* Op. cit. T. 5. P. 594-595.

⁶ *Ibid.* P. 594.

Для сохранения завоеванного Клеберу рекомендовалось предпринять дипломатические демарши, попытавшись разобщить тех участников Второй антифранцузской коалиции, которые определяли ситуацию в Восточном Средиземноморье – Османскую империю, Великобританию и Россию. Туркам, по мнению Бонапарта, Клебер должен был внушить, что французы остановились в Египте лишь временно по пути в Индию, «словно в караван-сараяе», и не собираются там задерживаться. Русские, полагал Бонапарт, сами не претендуют на Египет, а потому не станут возражать, если французы там останутся, ведь в таком случае оккупированная провинция будет постоянным яблоком раздора между Францией и Османской империей, не позволяя им восстановить свой традиционный союз. Кто действительно заинтересован в изгнании французов с берегов Нила, так это англичане, но для этого у них нет необходимых сил⁷. К политической инструкции Бонапарт приложил копию своего письма, которое еще 18 июля 1799 г. отправил Юсуф-паше, великому визирю Османской империи. В этом послании автор пытался убедить адресата в дружественных намерениях французов по отношению к туркам и в том, что Республика отнюдь не претендует на Египет. Правда, об эвакуации оттуда французской армии не говорилось ни слова. Взамен Бонапарт предлагал туркам заключить союз против их «общих врагов» – России и Австрии⁸.

В военной инструкции Бонапарт предупреждал, что Восточной армии могут грозить три опасности: 1) наступление турок по суше из Сирии; 2) высадка англичан с моря; 3) то и другое одновременно. В первом случае, считал он, французам придется, скорей всего, иметь дело примерно с 60 тыс. штыков и сабель неприятеля. Турки блокируют французский форт Эль-Ариш своим авангардом, расположив остальные дивизии эшелонами у колодцев Завьях (Zawieh)⁹, в Рафахе и Хан-Юнисе. Осада Эль-Ариша должна будет, согласно подсчетам Бонапарта, занять у турок не менее 20 дней. Столько же потребует осада форта Катия, следующего французского оплота на пути в Египет. Этого времени, полагал Бонапарт, достаточно для того, чтобы стянуть основные силы Восточной армии численностью до 20 тыс. к Салихии и нанести поражение туркам при выходе их из Синайской пустыни.

⁷ Ibid. P. 605.

⁸ См.: Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. P. 83-88.

⁹ Привязать это место к современной топонимике мне не удалось.

Для успеха английской высадки с моря, отмечал Бонапарт, в ней должно участвовать до 40 тыс. чел., которых у англичан в Восточном Средиземноморье просто нет. Меньший же по численности десант не имеет никаких шансов на успех против французов.

И наконец, при комбинированном наступлении по суше и с моря, в котором могли бы соответственно принять участие до 50 тыс. турок и 15 тыс. англичан, задача Клебера, считал Бонапарт, состоит в том, чтобы не позволить армиям противника соединиться. В этом случае Эль-Ариш должен был задержать турок, Александрия – англичан, что дало бы время французам сконцентрировать свои силы и разбить врагов поодиночке¹⁰.

Как видим, при любом варианте наступления врага по суше Бонапарт отводил Эль-Аришу стратегически важную роль: «Из этого анализа можно понять важность обладания Эль-Аришем, который, на мой взгляд, является передовым дозорным постом или одним из ключей к стране»¹¹. Именно поэтому, здесь, согласно инструкции Бонапарта, нужно разместить наиболее сильный гарнизон по сравнению с другими крепостями на пути из Сирии к сердцу Египта – 400 чел. при 23 артиллерийских орудиях разных типов и калибров¹².

Реалии Клебера

Письмо и инструкции Бонапарта Клебер получил в Дамьете 24 августа, когда их автор уже два дня как находился на пути к родине. Не без удивления узнав, что теперь ему принадлежит пост главнокомандующего, Клебер немедленно отправился в Каир, чтобы принять на себя новые обязанности. В столицу он прибыл 31 августа, сразу же начав ускоренно входить в курс дел. На это, очевидно, ушло меньше месяца, поскольку уже 26 сентября 1799 г. Клебер составил подробный отчет правительству Французской республики – Директории – о том положении в Восточной армии, которое оставил после себя его предшественник.

Выглядело это положение крайне мрачно. По сравнению с началом экспедиции французские войска, писал Клебер, утратили до половины личного состава. Они испытывают дефицит оружия и боеприпасов. Солдаты раздеты и разуты, многие переболели такими тяжкими заболеваниями, как чума, дизентерия, офтальмия,

¹⁰ *La Jounquière C. Op. cit. P. 603-604.*

¹¹ *Ibid. P. 604.*

¹² *Ibid. P. 600.*

и, если даже сохранили жизнь, то утратили боеспособность. Долг армии составляет до 12 млн франков, и у нее нет никаких надежных источников доходов, которые бы позволили его выплатить¹³.

Высказался Клебер и о военных планах Бонапарта на случай вражеского вторжения в Египет, в частности, о том значении, которое тот придавал Эль-Аришу и Александрии: «Эль-Ариш – дрянной форт в четырех днях пути по пустыне. Большие сложности с его снабжением не позволяют разместить там гарнизон более 250 чел. Шестьсот мамлюков и арабов смогут при желании перерезать его сообщение с Катией, и, поскольку в момент отъезда Бонапарта гарнизон имел припасов лишь на 15 дней, потребуется не много времени, чтобы заставить его сдаться без единого выстрела»¹⁴. Такое же сомнение Клебер испытывал и относительно способности Александрии выдержать длительную осаду.

Из всего сказанного следовал главный вывод: у главнокомандующего Восточной армией нет иного выхода, как продолжить начатые Бонапартом контакты с великим визирем, чтобы прийти к скорейшему урегулированию конфликта между двумя странами. Возможные условия мира Клебер видел следующими: султан восстанавливает свой суверенитет над Египтом и отправляет туда пашу для управления провинцией; собираемый в Египте поземельный налог *мири* будет вновь, как и прежде, взиматься в пользу султана; будет возобновлена торговля между Египтом и Сирией; до заключения мира между Францией и Англией французы останутся в Египте, сохраняя за собой крепости и города и продолжая удерживать в свою пользу все остальные налоги и сборы, включая таможенные пошлины¹⁵.

Таким образом, Клеберу потребовалось меньше месяца для того, чтобы, ознакомившись с реальным положением дел, сделать заключение об утопичности планов, завещанных ему предшественником. В сложившейся ситуации следовало вести речь не о сохранении за французами Египта, а лишь о возвращении его туркам на максимально выгодных для себя условиях.

¹³ Много лет спустя, уже находясь на о. Св. Елены, Наполеон попытается опровергнуть сведения, приведенные Клебером в письме Директории. Однако подсчеты, произведенные уже в наше время французскими военными историками, показывают, что, если Клебер в чем-то и сгустил краски, то не слишком сильно, тогда как «опровержение» его Бонапартом, напротив, не выдерживает критики. См.: Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 2. P. 515-532.

¹⁴ Ibid. P. 526.

¹⁵ Ibid. P. 528.

В поисках мира

Не успел Бонапарт добраться до родных берегов (он прибудет на Корсику 1 октября, а в континентальную Францию – 9-го), как его завет преемнику уже подвергся радикальному пересмотру. 21 сентября Клебер отправил послание великому визирю, собиравшему в Дамаске армию для изгнания французов из Египта. Столь же многословно, как Бонапарт в письме от 18 июля тому же адресату, Клебер описал «печаль» французов от того, что им приходится воевать против своих традиционных союзников, и предложил великому визирю прислать к нему своего полномочного представителя для переговоров о взаимовыгодном мире между двумя странами¹⁶. Делая такое предложение, Клебер явно выходил за рамки обсуждения судьбы одного лишь Египта и пытался самовольно присвоить себе полномочия вести от имени всей Французской республики переговоры о заключении мира между двумя странами, как, впрочем, это ранее сделал и Бонапарт, когда подписал в 1797 г. с Австрией мирный договор в Леобене.

Письмо визирю было отправлено с одним из находившихся во французском плену турок. Оказия представлялась не слишком надежной, и Клебер предупредил адресата, чтобы тот не удивлялся, если получит дубликаты этого послания по другим каналам. Предмет корреспонденции – мирный договор между двумя державами – был слишком важен, чтобы оставлять его на волю случая. И действительно, ненадежность способов связи и обусловленные ею задержки в диалоге между сторонами еще окажут, как мы увидим, свое влияние на ход событий.

Поскольку на протяжении двух последующих недель отклика не последовало, Клебер 7 октября продублировал обращение к визирю, опасаясь, что первое до того не дошло¹⁷. Любопытно, что в тот же самый день великий визирь продиктовал ответ на июльское послание Бонапарта, доставленный в Каир несколькими днями спустя, о чем Клебер 11 октября известил генерала Ж.Ф. Мену, коменданта провинции Бухейра. В своем письме Юсуф-паша возложил всю вину за конфликт между двумя некогда дружественными государствами на французов, вероломно вторгшихся в Египет, предупредил, что вскоре придет в эту провинцию с огромной армией, которую собирает в Дамаске, и согласился обсуждать лишь

¹⁶ Ibid. Т. 3. Р. 83-89.

¹⁷ Ibid. Р. 129-130.

один-единственный вопрос – о немедленной и безоговорочной эвакуации французских войск, обещая доставить их на турецких кораблях во Францию в целостности и сохранности. Особо подчеркивалась верность Османской империи обязательствам перед Австрией, Англией и Россией¹⁸. Раздраженный тем, что ему не удалось вбить клин между союзниками по антифранцузской коалиции, Клебер даже предположил в депеше Директории от 11 октября, что письмо визирю «явно продиктовали эмиссары Англии и России»¹⁹.

10-11 октября армия Юсуф-паши двинулась из Дамаска к Яффе²⁰. С приближением ее к Египту ускорился и обмен письмами между французским и турецким главнокомандующими. 23 октября Клебер, наконец, получил ответ Юсуф-паши на свое первое послание. Дав понять, что сомневается в полномочиях генерала вести переговоры о мире от имени Франции в целом, великий визирь повторил, что согласен обсуждать лишь вопрос об эвакуации французской армии из Египта, вновь обещав, что турецкий флот доставит ее на родину со всем вооружением²¹.

Согласие на подобную безоговорочную эвакуацию было равносильно тому, чтобы сдать, даже не попытав счастья на поле боя. Естественно, Клебер на это пойти не мог. Ему ничего не оставалось, как 27 октября выразить визирю сожаление, подчеркнув: кто бы не одержал верх в военных действиях, это неминуемо нанесет ущерб последующим двусторонним отношениям²².

Тем же днем датировано письмо Клеберу от английского командора Сиднея Смита, полномочного представителя Великобритании в Восточном Средиземноморье. На корабле «Тигр» Смит курсировал вдоль берегов Египта, руководя морской блокадой его портов. Координируя свои действия с великим визирем, он был в курсе попыток Клебера договориться с турками о сепаратном мире. И теперь Смит напрямую написал французскому главнокомандующему, недвусмысленно дав тому понять, что за спиной Великобритании никакое мирное урегулирование невозможно²³.

30 октября Клебер ответил Смигу пространственным посланием, заметив, что вовсе не собирался договариваться за спиной англичан,

¹⁸ Ibid. P. 163-167.

¹⁹ Ibid. P. 167.

²⁰ Донесение Э. Франкини № 12. – АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 5.

²¹ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. P. 188-190.

²² Ibid. P. 196.

²³ Ibid. P. 197-200.

и предложил обсудить вопрос об эвакуации французов из Египта в контексте работы над прелиминарными общими мирными соглашениями. Он также сообщил, что уполномочил вести переговоры высших должностных лиц армии – дивизионного генерала Луи Шарля Антуана Дезе и главного администратора финансов Жан-Батиста Пусьельга, которые, если потребуется, придут на корабль Смита²⁴. Доставить письмо на «Тигр» было поручено генерал-адъютанту²⁵ Ш.А. Морану. Однако, когда тот приехал в Дамьетту, Смит уже ушел на своем корабле в Яффу, и Морану пришлось последовать за ним на английском авизо²⁶. Несовершенство средств сообщения затягивало обмен мнениями, из-за чего сказанное в одной ситуации порою доходило до адресата, когда обстоятельства уже существенно изменились.

И в самом деле, после того, как Клебер отправил мирные предложения Смигу, но еще до того, как последний их получил и тем более на них ответил, произошли события, серьезно повлиявшие на позиции обеих сторон.

Блеск и нищета французской армии

1 ноября 1799 г. турки начали высаживать с кораблей в окрестностях Дамьетты 7-тысячный корпус янычар. Первая волна десанта состояла из 3 тыс. чел. Под прикрытием корабельной артиллерии они выгрузились со шлюпок на уходящую в море косу, установили артиллерийское орудие и уже начали окапываться, когда подверглись стремительной атаке французской пехоты и кавалерии, насчитывавших в общей сложности до 1 тыс. чел. Не сделав ни единого выстрела и действуя исключительно штыками и саблями, французы под командованием бригадного генерала Ж.А. Вердые сломили отчаянное сопротивление неприятеля и опрокинули его в море. За исключением сдавшихся в плен 800 чел., остальные турки пали на поле боя или утонули. Французы потеряли 22 чел. убитыми и 97 ранеными²⁷. Столь убедительная победа продемонстрировала огромное превосходство Восточной армии над неприятелем по боевым качествам солдат.

²⁴ Ibid. P. 206-209.

²⁵ Генерал-адъютант – штабная должность в армии революционной Франции, на которую назначались старшие офицеры.

²⁶ Ж.А. Вердые – Ж.Б. Клеберу, 6 ноября 1799 г. – Ibid. P. 218.

²⁷ См. подробное описание боя: Ж.А. Вердые – Ж.Б. Клеберу, 2 ноября 1799 г. – Ibid. P. 213-215.

Окрыленный этой вестью, Клебер 8 ноября вновь обратился к великому визирю с предложением начать переговоры, сообщив и ему, что назначил парламентарями Дезе и Пусьельга, и попросив визиря назначить своих. Дабы ускорить процесс согласования позиций по данному вопросу между Юсуф-пашой и командором Смитом, Клебер приложил к посланию визирю вышеупомянутое письмо англичанина и свой ответ на него²⁸.

Уже на другой день, 9 ноября, турецкий курьер Муса Татарин привез в Каир письмо от Юсуф-паши, но то был ответ на старое послание Клебера от 14 октября. Еще не зная о гибели турецкого десанта под Дамьеттой, великий визирь вновь надменно заявил, что переговоры о всеобщем мире не могут вестись Клебером и что, если тот хочет избежать бесполезного кровопролития, то должен согласиться на безоговорочную эвакуацию, иначе турецкая армия очистит Египет от французов силой²⁹. День спустя, 10 ноября, турецкий курьер отправился обратно в ставку Юсуф-паши с письмом Клебера, который повторил высказанное накануне предложение начать переговоры через уполномоченных представителей³⁰. Ничего нового добавлено не было, поскольку Клебер, как объяснил он генералу Дезе, решил дожидаться перемены в позиции визиря после получения тем известия о поражении турок под Дамьеттой³¹.

До того, как великий визирь узнал о катастрофе турецкого десанта, он явно полагал, что имеет все основания разговаривать с французами в ультимативном тоне. В турецком лагере под Яффой, по свидетельству Франкини, ждали подхода новых отборных корпусов. И они на протяжении ноября, действительно, будут подходить один за другим, всё больше усиливая армию Юсуф-паши, к тому времени уже многократно превосходившую по численности все французские войска в Египте вместе взятые:

«1 (12)³² текущего месяца [ноября] давно ожидаемый Хуссейн-паша присоединился к лагерю [еликого] визиря. Его корпус, состоящий из хорошо вооруженных, элитных войск,

²⁸ Ibid. P. 222-223.

²⁹ Ibid. P. 224-226.

³⁰ Ibid. P. 230-231.

³¹ Ж.Б. Клебер – Л.Ш.А. Дезе, 9 ноября 1799 г. – Ibid. P. 226.

³² Франкини датировал свои донесения русскому послу одновременно по принятому в России юлианскому календарю, и по календарю григорианскому. Письма командору Смигу он также датировал двумя числами, но уже по григорианскому и мусульманскому календарям.

включает в себя 3 тыс. кавалеристов и 1300 пехотинцев. <...> 3 (14) того же месяца Мустафа-паша прибыл с корпусом в 2500 чел. пехоты и кавалерии; эти войска прекрасно оснащены, прекрасно вооружены и являются лучшими в лагере <...> 9 (20) того же месяца османский лагерь усилился еще 5 тыс. янычар, из которых лишь 500 чел. пехотинцы. Корпус прибыл из Алеппо»³³.

Однако сражение при Дамьетте, как мы увидим далее, вынудит визиря сбавить тон в диалоге с французским главнокомандующим. Оно показало, что даже трехкратное численное преимущество турецких войск над французскими было легко нейтрализовано качественным превосходством последних.

Но прежде чем Клебер получил более обнадеживающие известия из турецкой ставки, на него чередой посыпались тревожные донесения от генерала Вердье из Дамьетты. 23 ноября тот сообщил, что солдаты расположенной в городе 2-й легкой полубригады – той самой, что тремя неделями ранее отличилась в сражении под Дамьеттой, – взбунтовались, отказавшись отправляться в Катю для ротации гарнизона, и ультимативно потребовали выплаты им долгов по жалованию: «Мольбы, угрозы, приближение неприятеля – ничто не могло тронуть этих солдат; только их командиры, офицеры и несколько унтер-офицеров прибыли на пристань. <...> Мотив их действий – неуплата им денег и уверенность в том, что в Каире имеет сейчас место такое же движение, которое, говорят они, заставит вас заплатить бунтовщикам. Не имея ни единого су в кассе, я не могу удовлетворить их требования»³⁴. Расквартированная в Дамьетте кавалерия открытого участия в мятеже не принимала, но бунтовщикам явно сочувствовала.

На следующий день, 24 ноября, Вердье сообщил, что произвел срочный заем в городе, чтобы покрыть хотя бы часть долга перед солдатами, однако эта мера не дала ожидаемого эффекта. Бунтовщики требовали полного расчета, будучи уверены, что точно такие же события в этот момент происходят и в Каире. Кроме того, они заявили, что в Катии уже ранее служили и не собираются туда возвращаться³⁵.

³³ Nouvelles du camp près de Jaffe 8/19 novembre 1799 – АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 58об – 59об.

³⁴ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. P. 258.

³⁵ Ibid. P. 260-261.

И только 25 ноября Вердье известил, что взял ситуацию под контроль и мятежная полубригада согласилась выступить, наконец, к месту назначения. Перед этим зачинщики бунта заставили его выдать им сертификаты об их полной невинности. «Если эти сертификаты когда-нибудь будут вам предъявлены, мой генерал, – писал Вердье Клеберу, – рассматривайте их как доказательство вины». Наиболее же тревожным было следующее сообщение: «Мне удалось выведать лишь то, что восстание было подготовлено в Каире, откуда мятежники получили письма»³⁶. Возможно, бунт именно потому и прекратился, что его участники узнали об отсутствии в столице аналогичного движения, на поддержку которого надеялись.

30 ноября Клебер издал приказ по армии о расформировании опозорившей себя неповиновением 2-й легкой полубригады и распределении ее военнослужащих по другим частям³⁷. В тот же день он коснулся этого вопроса в письме генералу Рейнье: «Генерал Дама [начальник штаба Восточной армии. – А.Ч.] вам напишет относительно той части 2-й легкой [полубригады], которая должна влиться в полубригады вашей дивизии. Соблюдайте осторожность при данной операции и держите под наблюдением этих негодяев»³⁸. Правда, 9 декабря Клебер несколько смягчил наказание: полубригада сохранилась как отдельная часть, но была лишена своих рот карабинеров и музыкальной команды³⁹. А это, в частности, означало, что те карабинеры 2-й полубригады, которых уже распределили по элитным ротам карабинеров и гренадеров других полубригад, там и останутся.

Форт в пустыне

Между тем, после месячного пребывания в Яффе армия великого визиря вновь пришла в движение. 23 ноября коллежский ассессор Франкини написал из турецкой ставки: «Хуссейн-паша выступил к Газе. На днях за ним последуют Мустафа-паша, Шери-паша, войска из Алеппо, а немного погодя – весь лагерь, великий визирь и министр»⁴⁰. С приближением турок к границам

³⁶ Ibid. P. 263.

³⁷ Ibid. P. 275.

³⁸ Ibid. P. 274.

³⁹ Ibid. P. 295-296.

⁴⁰ Traduction d'une lettre de drogman Frankini au Camp près de Jaffe 12/23 novembre 1799 – АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 28. «Министром» Франкини называет рейс-эффенди, главу внешнеполитического ведомства Османской империи, также находившегося в ставке великого визиря.

Египта угроза их столкновения с французами становилась все более реальной. Пунктом, где могло произойти первое боевое соприкосновение, был Эль-Ариш.

Это место полковник Пьер Жакотен, главный инженер-географ Восточной армии, так описал в своем дневнике полугодом ранее: «Эль-Ариш – форт в форме квадрата стороной от 85 до 90 туазов⁴¹, фланкированный четырьмя восьмиугольными башнями. Деревня с севера от него, прежде довольно значительная, уже на две трети снесена. Надо снести остальное, чтобы освободить подходы к форту, который предполагается окружить рвом и усилить новыми укреплениями. Главнокомандующий [Бонапарт – А. Ч.] решил, что здесь будет находиться гарнизон в 500 чел. с четырьмя инженерами. Это место рассматривается как ключ к Сирии...»⁴². Заметка Жакотена была сделана в самом начале Сирийской кампании, когда исполненные оптимизма французские войска двигались на север. После того, как, потерпев неудачу под Акрой, они откатились обратно, Эль-Ариш стал рассматриваться, как мы видели в инструкции Бонапарта, уже как «ключ к Египту».

Рассказывая в газете *Courrier de l'Égypte* 7 июля 1799 г. о возвращении армии из Сирии, геометр Луи Коста (Costaz) особо остановился на том значении, которое командование армии придавало Эль-Аришу: «Работы здесь не прекращались на протяжении всех тех четырех месяцев, что мы его занимаем. Только что туда направили еще инженеров с новыми ротами рабочих, дабы усовершенствовать сделанное и еще больше укрепить его мощь»⁴³.

Однако «укрепить мощь» Эль-Ариша на практике оказалось гораздо труднее, чем на бумаге. Генерал Рейнье, анализируя по горячим следам причины неудачи Египетской экспедиции, напишет об Эль-Арише следующее: «...Строительство шло крайне медленно среди пустыни, где всего не хватало; путь по морю не был свободен, а припасов, доставляемых на верблюдах, едва хватало для очень слабого гарнизона <...>. Начатые работы не были завершены, и этот пункт оказался весьма слабо укреплен, когда армия визиря пришла осадить его в нивозе VIII года»⁴⁴.

⁴¹ 1 туаз = 1,949 м.

⁴² *La Jounquière C.* Op. cit. T. 4. P. 691.

⁴³ *Ibid.* P. 598.

⁴⁴ *Reynter J.L.E.* De l'Égypte après la bataille d'Héliopolis. (1802). Цит. по: *La chute d'El-Arich.* P. 11.

Спустя семь месяцев после захвата Эль-Ариша французами капитан инженерных войск Пьер-Франсуа Ксавье Бушар, прибывший сюда 28 сентября 1799 г. для прохождения службы, нашел его примерно в том же состоянии, что и ранее полковник Жакотен: «Форт Эль-Ариш удален от моря примерно на 4 км. Он построен на холме, над которым с юга в досягаемости артиллерийского огня доминируют несколько песчаных возвышенностей. Он состоит из четырех *не укрепленных земляной насыпью* стен, сходящихся перпендикулярно и фланкированных по углам четырьмя восьмиугольными башнями. Средняя толщина стен – от 2 до 4 м, башен – 3 м. Стены и башни сделаны из камня хорошей кладки»⁴⁵.

Клебер, как мы ранее видели, с известным скептицизмом отзывался в письме Директории о возможностях защиты Эль-Ариша. Тем не менее, возглавив армию, он предпринял ряд мер по укреплению обороны на этом направлении. Уже 17 сентября 1799 г. он переподчинил гарнизон форта, ранее находившийся в ведении генерала Вердье, дивизия которого базировалась в Дамьетте, генералу Рейнье, чья дивизия прикрывала направление Салихия – Каир⁴⁶. Это должно было улучшить оперативное управление войсками: Вердье отныне мог сосредоточиться на охране побережья, а Рейнье, перед которым стояла задача прикрывать кратчайший сухопутный путь из Сирии к Каиру, получил под свое начало форпост этого маршрута.

Впрочем, и Клебер продолжал держать ситуацию в Эль-Арише под личным контролем. 7 октября он пишет Рейнье: «Я только что узнал, что батальон, который вы отправили в Эль-Ариш, состоит лишь из ста пятидесяти человек. Если сие так и есть, нужно немедленно отправить туда еще сто человек и поставить во главе этих войск умного шефа батальона⁴⁷, который любил бы свое дело и обладал бы амбициями для дальнейшего продвижения по службе. Не надо, чтобы этот гарнизон ограничивался обороной; нужно, чтобы в случае необходимости он был способен и на вылазку. И еще, вы можете сообщить всем офицерам, находящимся в Эль-Арише, что, если его оборона будет отвечать моим ожиданиям, их ждут одновременно и слава, и новые чины»⁴⁸.

⁴⁵ Bouchard P.F.X. Journal historique // La chute d'El-Arich. P. 17. Курсив мой. – А. Ч.

⁴⁶ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. P. 70.

⁴⁷ Шеф батальона – воинское звание во Франции, следующее за званием капитана и предшествующее званию подполковника, то есть аналог российского майора.

⁴⁸ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. P. 132.

Клебер лично подобрал «умного шефа батальона» на должность коменданта форта. В тот же день, 7 октября, он приказал бригадному генералу Н.А. Сансону, руководившему инженерными войсками Восточной армии, «немедленно отправить шефа батальона Казаль (Cazals) в Эль-Ариш, чтобы принять командование фортом»⁴⁹.

Назначение нового коменданта форта было связано отнюдь не с тем, что предшествующий, шеф батальона М.А. Жофруа, не справлялся с обязанностями, а с необходимостью периодической ротации командного и личного состава в виду крайне неблагоприятных физических и психологических условий пребывания в Эль-Арише. Военный врач Ж.Б. Латгиль, опубликовавший свои воспоминания о Египетской экспедиции сразу же после возвращения Восточной армии во Францию, так описывал службу в этом месте: «Мне очень жаль солдат, которым выпала такая доля. Арабы, лучше других приспособленные к погодным невзгодам и плохой пище, нередко стараются унести свои шатры подальше отсюда. Каждый год здесь появляется чума, а вид моря, столь часто заставляющий мореплавателя скучать, тут является единственным развлечением для обитателя форта»⁵⁰. А вот что комендант Жофруа сообщал 1 августа в письме своему брату, знаменитому зоологу Э. Жофруа Сент-Илеру: «Поскольку служба в Эль-Арише, весьма почетная по оказанному доверию, крайне неприятна из-за расположения крепости в сердце пустыни, решено, что мое пребывание здесь будет длиться не дольше трех месяцев, а потом на смену прибудет кто-то другой»⁵¹.

Этим «кем-то другим» и стал шеф батальона Луи-Жозеф-Элизабет Казаль. Отправляя ему 7 октября приказ о новом назначении, Клебер приложил к официальному документу личное письмо:

«Ваши товарищи, дорогой мой Казаль, провели трудную кампанию в Сирии, пока вы находились в форте Лесбех⁵². Я знаю, так случилось не по вашему желанию, и знаю, что вы там были полезны и чрезвычайно заняты, но все это никоим образом не сопоставимо с переходом через пустыню. Поэтому вы немедленно совершите таковой и примете командование над фортом Эль-Ариш. Там вы станете первым, кого атакует великий визирь. А сие означает, что это – почетный

⁴⁹ Ibid. P. 133.

⁵⁰ *Lattil J.B.* Campagnes de Bonaparte à Malte, en Egypte et en Syrie. (1802) – Цит. по: La chute d'El-Arich. P. 8.

⁵¹ La chute d'El-Arich. P. 8.

⁵² Лесбех (Lesbeh) – форт в устье Нила севернее Дамьетты.

пост и дает вам возможность отличиться. Я буду наблюдать за вами: вас ждут одновременно слава и чины. Единственное мое наставление вам, – это сделать так, чтобы вас любили, чтобы вы вдохновляли свои войска и оборонялись до последней полуунии хлеба. Ночью против турок можно предпринимать всё, что угодно; пользуйтесь ее мглой, чтобы совершать активные вылазки и заклепывать им орудия, как только они смогут их установить. Не дожидаясь других распоряжений, отправляйтесь, едва лишь получите нынешнее; часовая задержка может означать потерю драгоценного времени, за что вам, возможно, придется ответить. Когда прибудете на свой новый пост, шеф батальона Жофруа может его покинуть и заменить вас в Лесбехе»⁵³.

Казаль прибыл в Эль-Ариш 12 октября в сопровождении 25 дромадеров⁵⁴ и немедленно развернул бурную деятельность. При нем резко активизировались начатые его предшественником земляные работы по укреплению форта, осуществлявшиеся силами четырех рот саперов, 60 пленных турок, четырех минеров и нескольких добровольцев из гарнизона, получавших за это дополнительную плату⁵⁵.

Кроме того, начались регулярные вылазки на разведку окрестностей форта, чего ранее не практиковалось. «До тех пор, – рассказывает капитан Бушар, – не проводилось никакой разведки; мы боялись удаляться от форта дальше расстояния орудийного выстрела, и несколько инцидентов, имевших место, так сказать, прямо под его стенами, казалось, оправдывали эти страхи»⁵⁶. Теперь же подобные экспедиции проводились постоянно, занимая порою по несколько дней. В них участвовали отряды численностью до ста человек с комендантом форта во главе. Помимо изучения местности французы в ходе таких вылазок перехватывали караваны арабских торговцев, чтобы воспрепятствовать поставкам продовольствия из Египта в Сирию, где оно использовалось для снабжения армии великого визиря. Сколько-нибудь существенного сопротивления арабы не оказывали, ограничиваясь обычно несколькими ружейными выстрелами, после чего всадники на верблюдах, бросив поклажу, спасались бегством вглубь пустыни.

Однако вскоре у французов под Эль-Аришем появился и более серьезный враг.

⁵³ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. Р. 138.

⁵⁴ Дромадеры в Восточной армии – кавалерия на верблюдах. Полк дромадеров был создан Бонапартом 10 января 1799 г. См.: *La Jounquière C.* Op. cit. Т. 4. Р. 74.

⁵⁵ Bouchard P.F.X. Journal historique. Р. 19.

⁵⁶ Ibid. Р. 21.

Первая кровь

В один из дней комендант Казаль отправил по Сирийской дороге на разведку, пишет Бушар, дозор в составе 12 пехотинцев и 3 саперов под командованием младшего лейтенанта. Вопреки, «приказу своего командира» они зашли слишком далеко и попали в засаду мамлюков, окруживших их в мгновение ока. Из всей разведгруппы лишь трое открыли огонь по неприятелю, остальные сдались без боя. Определив по состоянию ружей, кто именно стрелял, мамлюки зарезали трех храбрецов, забрав с собою их головы, а остальных пленников увели в турецкий лагерь⁵⁷.

По словам Бушара, это случилось 5 декабря. Однако капитан писал свой «Исторический дневник» в 1805 г.⁵⁸, шесть лет спустя после указанных событий, и, похоже, ошибся с датой. Согласно донесению коллежского ассессора Франкини, данный инцидент имел место десятью днями ранее:

«10 (25) [ноября] прибывший с депешами камердинер Реджеб-паша привез известие о том, что Альфи-бей (Elfy-bey) захватил семнадцать [sic!] французов, вышедших из Эль-Ариша на разведку местности и расположения неприятеля. Трое из них, оказав сопротивление, лишились жизни, четырнадцать других находятся по дороге сюда и ожидают в ставке с минуты на минуту. Эта новость была отмечена девятнадцатью залпами из пушек визиря, столькими же – из пушек янычар, а также – ружейной пальбой. <...>

12 (23) [ноября] Сегодня утром прибыли пленники, захваченные в гарнизоне Эль-Ариша. Это – лейтенант, капрал и четырнадцать солдат, из которых один тосканец и два мальтийца.

Лейтенант при допросе показал, что гарнизон Эль-Ариша насчитывает примерно четыреста человек с восемью артиллерийскими орудиями. Комендант по имени Казаль, имеющий чин подполковника, поддерживает постоянную связь с французами, расположенными в Бельбейсе в количестве четырех тысяч человек, и регулярно получает оттуда необходимые припасы, состоящие лишь из риса, растительного масла и сухарей. Форт обеспечен снаряжением, а комендант, хотя и находится без жалования уже восемь месяцев и не слишком доволен Бонапартом и Клебером, тем не менее полон решимости обороняться до последней крайности.

⁵⁷ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 35.

⁵⁸ Ibid. P. 15.

Пленников после допроса перевели из лагеря в замок Яффы, а головы трех их товарищей, погибших из-за своего сопротивления, выставили на всеобщее обозрение»⁵⁹.

Заметим, что пленный лейтенант достаточно точно описал противнику численность и вооружение защитников форта. По свидетельству Бушара, гарнизон Эль-Ариша, действительно, состоял примерно из 450 чел. с четырьмя 8-фунтовыми орудиями, четырьмя 4-фунтовыми и двумя гаубицами⁶⁰.

Подобное «правдолюбие» французского лейтенанта в общении с неприятелем и выказанный большинством его подчиненных «пацифизм» при встрече с врагом наглядно свидетельствовали об упадке боевого духа в рядах Восточной армии. Возможно, подобное поведение французских военнослужащих и подтолкнуло английских офицеров, несколько дней спустя появившихся в ставке великого визиря, к мысли разыграть в отношении гарнизона Эль-Ариша «психологическую карту».

Козыри сторон

28 ноября Муса Татарин доставил в Каир сразу два письма от Юсуф-паши. Первое, сообщалось в нем, являлось копией того послания, оригинал которого должен был привезти морем генерал-адъютант Моран, застрявший в Яффе из-за шторма. Здесь говорилось, что на совещании с участием великого визиря, русского драгомана Франкини и командора Смита было решено, что именно последний станет полномочным представителем союзников на переговорах с французами. Во втором письме визирь извещал, что находится в Яффе с армией, ждущей приказа атаковать Эль-Ариш, однако ради предотвращения кровопролития готов начать переговоры. Поскольку их ведение союзники доверили командору Смитту, французским парламентарам предлагалось прибыть на корабль «Тигр»⁶¹.

1 декабря Клебер с тем же курьером отправил Юсуф-паше ответ. Выказав сожаление о том, что визирь не согласился на сепаратную сделку, французский главнокомандующий, тем не менее, выразил готовность вести диалог в предложенном ему формате: «Я бы хотел иметь дело только с вами, Ваше Превосходительство,

⁵⁹ Nouvelles du camp près de Jaffe 8/19 novembre 1799 – АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 59об – 60.

⁶⁰ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 42.

⁶¹ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. P. 269-272.

и мы быстро бы поладили, но поскольку обстоятельства сложились иначе, я им подчиняюсь»⁶².

Клебер рассчитывал на то, что с началом переговоров будет заключено перемирие, о чем 30 ноября сообщил генералу Рейнье⁶³. В письме же Директории от 3 декабря Клебер объяснил, какие надежды связывает с подобной отсрочкой начала военных действий: «Армия визиря, расположенная на сырых равнинах Яффы и Газы, утратит боевой дух из-за лишений и болезней»⁶⁴. То, что нам сегодня известно о состоянии войск визиря, показывает, что расчет французского главнокомандующего был верен. Франкини регулярно сообщал из Яффы об испытываемых ими проблемах со снабжением и дисциплиной:

«8 (19) ноября <...>. С момента выхода из Константинополя и на протяжении всего марша до Хамы и затем до Дамаска, в лагере ощущался существенный дефицит провианта, фуража, ячменя и дров, а от Дамаска и далее – абсолютно всего. Сегодня ячмень в значительной степени заменяется просом, которое выдают в размере двух пятых частей пайка. <...> Армия, собранная из разных провинций, нетерпелива, подвержена дезертирству и другим эксцессам. Лошади отказываются питаться просом, а войска уже воротит от одного только вида размоченных сухарей. Сливочное масло, когда оно есть, стоит от четырех до пяти пиастров за *ок*⁶⁵; рис – 70 *пара*; их уже не потребляют. Свеча стоит 10 пиастров; булгур – 40 *пара*; небольшая вязанка дров стоит столько, сколько в других местах розы»⁶⁶.

«10 (21) [ноября]. <...> Абсолютная нехватка всего – провианта, мяса, сухарей, ячменя, соломы и т.д. – и отсутствие надежды получить это в ближайшие дни приводят в уныние чиновников, военачальников и особенно Министра»⁶⁷.

Достать продовольствие на месте было практически невозможно, так как зимой-весной того же года Палестину уже опустошила французская армия, прошедшая по ней сначала на север, а затем

⁶² Ibid. P. 277.

⁶³ Ibid. P. 274.

⁶⁴ Ibid. P. 278.

⁶⁵ В Турции и Египте *ок* – это и мера веса в 1,28 кг, и мера объема в 1,52 л. Испанский пиастр, использовавшийся в этих же странах для расчетов, равнялся 150 пара (мединов). Для сравнения: 1 ливр Франции = 28 мединов.

⁶⁶ Nouvelles du camp près de Jaffe 8/19 novembre 1799 – АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 57-57об.

⁶⁷ Nouvelles du camp près de Jaffe 9/20 novembre 1799 – Там же. Л. 59.

в обратном направлении. Подвоз продовольствия из Египта был перекрыт французами. И даже если туркам удавалось доставить партию провианта по морю, снабжение в их армии не поднималось, по оценке Франкини, выше «посредственного»:

«21 того же [ноября] / 2 декабря. <...> В течение нескольких последних дней провизия стала менее дефицитной. Выдается мясо, хотя лишь и половина рациона, но ячмень и просо в достаточном количестве. Всё это привезено из Триполи и других мест. Со дня на день ожидаются суда, груженные провизией и скотом, из других областей Азии. Их прибытие позволит сохранить этот посредственный уровень снабжения.

Письма из Иерусалима сообщают о нескольких случаях заболевания чумой среди местных евреев. Не хватает только этого поветрия для опустошения провинции. Идет война, а потому голод здесь неизбежен. От самого Дамаска не было ни одного засеянного поля, ни одного возделанного участка земли. Фруктовые деревья, оливы и даже плуги – все использовано на дрова разными армиями. Египет закрыт, Кипр истощен»⁶⁸.

Разумеется, сохранять как можно дольше ситуацию в подобном, подвешенном состоянии французам было весьма выгодно. В свою очередь, представители союзных держав тоже это прекрасно понимали, когда вечером 2 декабря собрались в шатре великого визиря в лагере под Яффой, чтобы согласовать дальнейшие действия. В совещании принимали участие высшие турецкие сановники с великим визирем во главе, командор Смит и драгоман Франкини. О чем у них шла речь, мы можем узнать из письменного отчета, составленного последним.

После «традиционных комплиментов в соответствии с этикетом, кофе, угощения сладостями и курения кальяна»⁶⁹ стороны приступили к обсуждению технических деталей будущих переговоров с французами. Сходясь в том, что таковые следует вести на борту «Тигра», турки и Смит имели разные мнения относительно того, где собственно должен при этом находиться корабль. Командор предпочел бы не уходить от Дамьетты, отправляя визирю на легких судах сообщения о своих дискуссиях с французскими парламентарями. Однако Юсуф-паша, стремясь лично влиять на ход переговоров, пожелал, чтобы «Тигр» бросил якорь близ турецко-

⁶⁸ Nouvelles – Там же. Д. 907. Л. 59об.

⁶⁹ Conférence du Commodore Sidney Smith avec le G. Visir – Там же. Л. 50.

го лагеря. Проблема состояла в том, что зимой на Средиземном море бушевали шторма, а это побережье не имело безопасных гаваней. Задержаться же в Яффе и отложить свой отъезд к основным силам армии в Газу великий визирь, по его словам, уже не имел ни малейшей возможности: «Обычай вставать на зимние квартиры в это время года, ненастье и усугубляющие его ветра, из-за которых сильно страдают войска, – всё это требует моего присутствия и переноса моей ставки»⁷⁰. В итоге, командор Смит обещал отплыть к Дамьетте в течение 24 часов и доставить французских парламентариев в ставку визиря возле Газы не позднее, чем через восемь дней.

После утряски технических деталей разговор вдруг принял неожиданный оборот:

« – Однако, если намерение французов состоит в том, чтобы тянуть время, не заключая никакого соглашения, – продолжал великий визирь, – то, высадив парламентариев на берег, предупредите меня об этом, чтобы я немедленно выступил против врага. Впрочем, я могу приказывать выдвинутому для этой цели корпусу атаковать Эль-Ариш и в то время, пока господин командор ездит за парламентариями.

– Действительно, – ответил г-н Смит, – такой шаг и захват форта, уверен, дадут французам представление об их истинном положении. Вот почему Ваше Превосходительство не должно откладывать осуществление этого плана, который может немало способствовать успеху моих демаршей.

– А не будет ли, – спросил визирь, – нарушением законов войны и чести атаковать врага в тот момент, когда он просит прислать парламентариев, чтобы договориться об эвакуации из Египта?

– Не думаю, – сказал г-н Смит, – поскольку никаких договоренностей на сей счет не достигнуто.

– Но это может прервать или, по меньшей мере, приостановить ход переговоров, – заметил визирь. – Поэтому, если при самой первой встрече с представителями Клебера еще до того, как они что-либо скажут, господин командор им предложит и получит их согласие на то, чтобы в знак искренности намерений французов их гарнизоны ушли из Эль-Ариша и Катии в обмен на обещание, что эти крепости будут возвращены им в случае невозможности достигнуть согласия относительно эвакуации, то я не стану вести военные действия на протяжении всего того времени, пока будут идти с парламентариями переговоры о возвращении во Францию.

⁷⁰ Там же. Л. 51.

– Раз Ваше Превосходительство обещает вернуть французам два указанных форта, ежели переговоры об их уходе из Египта не увенчаются успехом, то, надеюсь, по этому пункту удастся легко договориться»⁷¹.

Совещание окончилось поздно. Смит, переночевав в шатре у Франкини, где, как можно предположить, они продолжили обсуждение ситуации и своих планов, утром нанес прощальный визит Юсуф-паше и во второй половине дня отбыл на «Тигр». В полночь корабль поднял паруса и ушел в Дамьетту⁷², где командор надеялся уже найти Дезе и Пусьельга. Не обнаружив в Дамьетте французских парламентаров, Смит 4 декабря написал Франкини о том, что уходит в Александрию, дабы проконтролировать соблюдение режима морской блокады главного порта Египта⁷³.

Между тем, Дезе и Пусьельг еще не покинули Каира. Даже получив согласие великого визиря на переговоры, Клебер питал сильные сомнения относительно серьезности его намерений и до возвращения Морана не хотел предпринимать в данном направлении никаких практических шагов. Об этом он сообщил генералу Рейнье письмом от 30 ноября, приказав на всякий случай усилить Эль-Ариш еще сотней бойцов⁷⁴. Однако именно задержка с отправкой парламентаров и сыграет в конечном счете роковую роль в судьбе гарнизона этого форта.

Моран добрался до Каира лишь 5 декабря, привезя Клеберу письма командора Смита от 8 и 22 ноября⁷⁵. Послания были выдержаны исключительно в дружеском тоне. Англичанин сообщал, что отправляет с Мораном трех французских пленных, «вырванных в Яффе из турецких рук»: они принадлежали к числу тех больных чумой, кого Бонапарт оставил, отступая из Сирии, но которые сумели выжить благодаря заботам армянских монахов. Главное же, командор подтвердил, что будет ждать прибытия французских парламентаров на своем корабле перед Дамьеттой.

Четыре дня спустя после приезда Морана, Клебер 9 декабря отправил Дезе и Пусьельга в Дамьетту⁷⁶. Помимо писем к Сми-

⁷¹ Там же. Л. 51об – 52.

⁷² См.: Visite de congé du Commodore Sidney Smith au G. Visir dans la matinée du 22 novembre / 3 décembre – Там же. Л. 53-56; Nouvelles – Там же. Л. 59.

⁷³ Lettre du Commandant Anglais Smith au Drogman de la Cour de Russie Franchini, le 19 Redgeb 1214 (le 23 novembre / 4 decembre 1799) – Там же. Л. 45.

⁷⁴ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. Р. 274.

⁷⁵ Ibid. Р. 284-286.

⁷⁶ Ibid. Р. 300.

ту он снабдил их подробной инструкцией для будущих переговоров. Первым же ее пунктом французским парламентарам предписывалось постараться немедленно заключить перемирие. Остальные требования Клебера показывали, что, хотя он и отказался от прежней претензии на подписание мира от имени Французской республики в целом, его амбиции все же не ограничивались одним только Египтом. Он требовал, чтобы в обмен на эвакуацию его армии противники вернули Франции Ионические острова и гарантировали сохранение ею Мальты до заключения общего мира. Османская империя после возвращения себе Египта должна была фактически выйти из войны, прекратив боевые действия против Франции. Если же оппоненты категорически откажутся обсуждать какие-либо другие вопросы, кроме безоговорочной эвакуации Восточной армии, то на случай такого поворота событий у Клебера была припасена следующая хитрость: «В этом случае пусть послы заявят, что никогда французский генерал не пойдет на подобную эвакуацию, кроме как по письменному приказу своего правительства. Пусть они потребуют свободного проезда курьера к Исполнительной Директории и приостановки военных действий до его возвращения, которая будет определена в четыре месяца»⁷⁷. Иными словами, представители Клебера должны были не мытьем так катаньем добиться отсрочки начала военных действий и тем самым вынудить армию визиря сражаться не с французами, а с голодом и холодом.

Союзники прекрасно отдавали себе отчет в том, чем чревата для них такая пауза. Еще не зная ничего об этих условиях французской стороны, Франкини 6 декабря писал Смитю, предостерегая от подобной уступки неприятелю:

«Министры Высокой Порты оказали мне честь, показав два письма, написанных вами Его Превосходительству великому визирю и генералу Клеберу. Они сказали, что абсолютно невозможно согласиться на перемирие, которое дезорганизует уже собранную армию, даст французам время для подготовки к сопротивлению и, упустив текущий момент, позволит прибыть в Египет обещанному Бонапартом подкреплению. Вы же знаете, что войска, долго находясь в бездействии на одном месте, начинают вести себя недисциплинированно. Нужно поэтому думать о возможных последствиях еще до того, как они наступили. <...> Министры ждут вашего ответа, чтобы двинуть

⁷⁷ Ibid. P. 291-294.

вперед войска. Те горят желанием вступить в бой. Они жаждут обрести славу. Недавно они захватили в Арише несколько французских пленных, были награждены, и эта награда умножила их храбрость. И, наконец, обстоятельства момента требуют принятия решения, каким бы оно ни было»⁷⁸.

Таким образом, перед началом переговоров, каждая из сторон имела на руках определенные козыри. Для Клебера таким козырем было время – оно работало на него, ибо каждый день отсрочки военных действий ослаблял армию визиря, вынужденную простаивать в бездействии, страдая от непогоды и лишений. И напротив, первое же серьезное столкновение было чревато для французов непредсказуемыми рисками: бунт в Дамьетте выявил серьезные моральные проблемы в оккупационных войсках. Сила же турецкой армии как раз и состояла в движении и высоком боевом духе, подпитывавшимся ожиданием щедрых наград и богатой добычи в случае победы. Однако, едва лишь возникала заминка, как это пестрое и не слишком дисциплинированное объединение разнородных войск из разных частей империи, не имевшее четко налаженной системы снабжения, начинало испытывать серьезные затруднения морального и материального порядка. И все же визирь не хотел упускать возможности мирным путем договориться с французами об их эвакуации из Египта, чтобы не пытаться удачи в открытом бою, где до тех пор турки неизменно терпели поражение. Но такой договоренности он хотел достичь очень быстро, для чего необходимо было сохранять на руках такой важный козырь как высокий боевой дух турецких солдат. Для поддержания же его нужен был новый успех. Взятие Эль-Ариша вполне подходило для этого.

Искушение

5 декабря, то есть на другой день после вышеупомянутого сошествия у великого визиря, основные силы османской армии выступили из Яффы по направлению к Газе, куда, сообщает Франкони, прибыли 7 декабря⁷⁹. А уже 8-го союзниками была предпринята тщательно спланированная психологическая диверсия против Эль-Ариша. Исполнителями ее стали английские офицеры.

⁷⁸ Lettre du Drogman de la Cour de Russie Franchini au Commandant Anglais Smith du 6 de Decembre (le 21 de Regeb 1214) – АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 907. Л. 45-45об.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 907. Л. 60.

Командор Смит еще в ноябре отправил несколько своих подчиненных из Хайфы в турецкую ставку, где они появились 30-го числа, о чем сообщается в донесении Франкини: «Сегодня в лагерь прибыли господина полковник Дуглас, подполковник Бромлей, капитан Фротте, лейтенанты Уинтер и Смит [однофамилец командора – А. Ч.], а с ними – драгоман Антонио Спатос и четыре солдата с корабля “Тигр” для того, чтобы поступить в распоряжение великого визиря»⁸⁰.

Особого внимания среди перечисленных заслуживает фигура подполковника Джона Бромлея. Под этим именем в английской армии служил бретонский аристократ Жак Жан-Мари Франсуа Буден граф де Тромлен (1771-1842), человек умный, изобретательный и фантастически изворотливый, о чем свидетельствует история всей его жизни. Потомственный военный, он эмигрировал из революционной Франции в 1792 г., чтобы сражаться против нее в рядах армии принца Конде. В 1795 г. Тромлен принял участие в неудачной экспедиции роялистов на Кибероне, но сумел спастись после ее разгрома войсками Республики. В 1796 г. он все же попал в плен к республиканцам, когда французские моряки взяли на abordаж корабль его друга капитана Сиднея Смита (будущего командора). От неминуемой казни ловкого бретонца спасло лишь то, что он назвал себя Джоном Бромлеем, канадским слугой Смита. Отпущенный на свободу в 1797 г., он уехал в Англию, где подготовил, а год спустя, вернувшись в Париж, организовал дерзкий побег Смита из тюрьмы Тампль. В 1798 г. Тромлен опять принял участие в боях против республиканцев, на сей раз в рядах нормандских шуанов, опять попал в плен и опять бежал. Поступив затем на английский флот, он под началом командора Смита служил в Средиземном море на «Тигре». Так он и попал в нашу историю с Эль-Аришем. Впрочем, для полноты характеристики этого удивительного персонажа кратко коснусь и его последующей биографии. Вычеркнутый в 1802 г. из проскрипционного списка эмигрантов, он вернулся во Францию и... вновь оказался в тюрьме, на сей раз как соучастник заговора Пишегрю и Кадудалья. И опять ему удалось выйти сухим из воды. Освободившись через шесть месяцев, Тромлен поступил в звании капитана на французскую военную службу, где сделал успешную карьеру, отличившись в ряде сражений: после Ваграма (1809) он – полковник, после Лейпцига

⁸⁰ Там же. Л. 59.

(1813) – бригадный генерал. При Ватерлоо (1815) его бригада прославилась тем, что последней покинула поле боя. Кавалер орденов св. Людовика и Почетного легиона, Тромлен продолжал служить и при Реставрации, хорошо проявил себя в Испанской кампании 1823 г. и только после Июльской революции ушел в отставку, посвятив остаток жизни общественной деятельности⁸¹. Этот человек в декабре 1799 г. и стал одним из исполнителей, а возможно даже инициаторов, той психологической диверсии, которая оказалось роковой для французского Эль-Ариша.

Впрочем, со стороны всё выглядело достаточно безобидно, по крайней мере, согласно донесению Франкини: «27 [ноября] / 8 [декабря]. К вечеру подполковник Бромлей отправился в Эль-Ариш с капралом по имени Флоран (Florent), одним из взятых там в плен французов, и с несколькими мамлюками, дабы передать письма и предложения о сдаче французскому коменданту, а в случае отказа того объявить ему о наступлении на него с нашей стороны 20 тыс. человек. Предложения не были приняты, и подполковник вернулся 29 [ноября / 10 декабря] вместе с сопровождавшими его лицами»⁸². Казалось бы, вполне рутинная процедура предъявления ультиматума. Непонятно только, зачем было таскать с собою туда-сюда пленного капрала. Но именно в том и состояла суть задуманного.

Формальным предлогом взять с собою француза была необходимость передать коменданту послание от находившегося в плену лейтенанта Пэнтё (Painthieu). В своем рассказе о падении Эль-Ариша капитан Бушар, признавая во многом роковую роль этого письма в судьбе гарнизона, рассказывает душераздирающую историю о том, как турки обманом, угрозами и посулами склоняли пленника к его написанию. Однако у нас есть основания усомниться в правдивости этой истории, поскольку Бушар мог услышать ее только в плену от самого лейтенанта. Зная же, что Пэнтё к тому времени уже подробно рассказал неприятелю о составе и диспозиции французских войск в форте и близлежащих окрестностях, трудно поверить, что туркам пришлось его долго уговаривать оказать им еще одну «любезность» и написать коменданту форта следующее:

⁸¹ См.: La chute d'El-Arich. P. 170 ; *Lachouque H.* Sous la République et Napoléon, un gentilhomme d'aventure, le Général de Tromelin. P., 1968.

⁸² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 907. Л. 60.

«Гражданин комендант!

Я получил деньги и вещи, которые вы нам направили с Татарином, возвращавшимся из Каира. Мы прибыли в Газу с армией великого визиря. Этот господин, планирующий большую экспедицию против вашего гарнизона, с нами хорошо обращается. Я видел здесь много орудий и большое количество людей. Мне сказали, что гарнизон, если захочет, может вернуться во Францию на условиях прокламации Высокой Порты (ее копию я вам отправляю): ему будет гарантирован свободный проезд и безопасность для людей со всем их имуществом. Визирь отправляет к вам капрала Флорана, который расскажет вам, как с нами здесь обращаются. Он должен будет вернуться вместе с сопровождающим его турком. Если вы его задержите у себя, мы серьезно пострадаем из-за его опоздания.

Привет и уважение,
Пэнтъё»⁸³.

О том, что произошло дальше у форта, мы можем узнать из рассказа капитана Бушара, который на сей раз выступает в качестве очевидца. 9 декабря подполковник Бромлей прибыл к Эль-Аришу, остановившись на некотором расстоянии от французских аванпостов. На нем была длинная турецкая одежда, под нею – английская форма. Комендант Казаль любезно отправил ему палатку и прохладительные напитки, а французский парламентар забрал у Бромлея письмо полковника Дугласа с предложением о сдаче. Пока Казаль знакомился с посланием и пока составлял свой ответ на него, за рамками официальной процедуры происходило именно то действие, ради которого собственно и было затеяна вся эта игра с ультиматумом.

Воспользовавшись тем, что внимание французских офицеров занято Бромлеем, пленный капрал, которому накануне англичане поднесли водки и дали денег, приблизился к французским позициям, где его тут же окружили сослуживцы. В ответ на расспросы о пребывании в плену капрал продемонстрировал эти деньги и сообщил, что с пленниками прекрасно обращаются и собираются отправить на родину. Показал он и письмо лейтенанта, которое должен был передать коменданту форта. «Совершенно случайно» оно оказалось не запечатано, а потому было немедленно прочтено солдатами. Когда офицеры, наконец, заметили происходящее, забрали письмо и отправили капрала обратно в палат-

⁸³ Там же. Л. 57.

ку парламентаря, было поздно: семена будущего бунта уже были посеяны⁸⁴.

Французские солдаты, много месяцев не получавшие жалования и питавшиеся только сухарями да рисом, оказались перед неравноценным выбором. Им предстояло решить: принять сражение против огромной армии визиря, что даже при самом лучшем исходе сулило продолжение все того же безрадостного существования в пустыне, или, сдавшись в плен, отправиться на родину, покинув опустыленный Восток. При виде же ранее попавшего в плен сослуживца – сыт, пьян и куры денег не клюют – искушение и вовсе становилось непреодолимым.

Как покажут дальнейшие события, Бромлею и его английским коллегам удалось успешно посеять семена будущего мятежа. Более того, те упали на хорошо подготовленную почву, ибо по удивительному стечению обстоятельств именно 9 декабря в Эль-Ариш для частичной ротации личного состава прибыл пехотный батальон 13-й линейной полубригады, в гренадерской роте которого служили бывшие карабинеры 2-й легкой полубригады, ранее «отличившиеся» в Дамьетте⁸⁵.

Фактор времени

При параллельном рассмотрении действий вовлеченных в конфликт сторон трудно избавиться от ощущения, что противники жили словно в разных измерениях, где время шло совсем разным.

Выехав из Каира 9 декабря (одиннадцать дней спустя после полученного от визиря приглашения!!!), Дезе и Пусьельг прибыли в Дамьетту 11-го, но Смит там уже не застали. «Нам сказали, – докладывал 13 декабря Пусьельг Клеберу, – что тремя-четырьмя днями ранее Смит появился здесь, отправив гонца сказать, что ждет нас, однако день спустя исчез из виду и больше не показывался»⁸⁶. Французские парламентары остались ждать возвращения «Тигра» в Дамьетту. 16 декабря они вновь написали Клеберу, что Смит до сих пор не объявился. Заодно они сообщили (пять дней спустя после приезда!!!), что, оказывается, забыли в Каире присланные ранее великим визирем пропуска, которые следовало предъявить командиру блокирующей Дамьетту турецкой

⁸⁴ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 37-39.

⁸⁵ Ibid. P. 40, 68-69.

⁸⁶ Kléber en Égypte 1798-1800. T. 3. P. 307.

эскадры, дабы он пропустил их к Смиту, когда тот появится⁸⁷. Парламентеры явно никуда не торопились. Клебер, вероятно, тоже. Считая, что время все еще работает на французов, он не выказывал ни малейшего беспокойства возникшей заминкой и не спешил известить о ней великого визиря. Только 20 декабря, после получения известий об ультиматуме полковника Дугласа Эль-Аришу⁸⁸ и, возможно, о начавшихся в Александрии новых солдатских волнениях⁸⁹, французский главнокомандующий заторопился и, наконец, написал Юсуф-паше о том, что по-прежнему готов к переговорам и что его представители давно ждут в Дамьетте командора, на которого и попытался свалить вину за образовавшуюся паузу⁹⁰. Но драгоценное время было уже упущено.

Если французы вели себя так, будто в их распоряжении вечность, то турецкое командование, похоже, считало каждую минуту до прибытия парламентеров. 12 декабря Франкини докладывал:

«Задержку с возвращением Смита в ставку приписывают погоде, но от этого нетерпения не становится меньше, и на то есть свои причины. Для содержания армии, полностью собранной в Газе и ставшей весьма значительной, требуются немалые усилия, особенно если ее пребывание затягивается. В это время года доставка провизии по морю затруднена, по суше надо преодолевать большое расстояние, и провиант никогда не бывает в достаточном количестве. Кроме того, пребывание на одном месте утомляет и вынуждает острее чувствовать лишения, связанные с кампанией. Сие порождает множество сложностей, для преодоления которых никак не удастся найти средства. На протяжении многих веков в этой части мира существовал риск однажды обнаружить свой лагерь без войск. Чтобы предотвратить всякие неприятности и занять умы, великий визирь и послал в Эль-Ариш ультиматум о капитуляции. <...> В соответствии с ультиматумом готовится отправка 15-20 тыс. чел. для выдвижения к форту и захвата колодцев между ним и Катией, чтобы перерезать французам коммуникации через пустыню. Общее мнение таково, что Эль-Ариш не окажет серьезного сопротивления, несмотря на приказы Клебера и усилия коменданта. <...> Ультиматум Эль-Аришу и ответ коменданта форта повлекли за собою подготовку экспедиции в

⁸⁷ Ibid. P. 311.

⁸⁸ Ж.Б. Клебер – Л.Ш.А. Дезе, 17 декабря 1799 г. Ibid. P. 312.

⁸⁹ Ф. Ланос – Ж.Б. Клеберу, 17 декабря 1799 г. Ibid. P. 314-316.

⁹⁰ Ibid. P. 320.

20 тыс. чел. <...> Эта армия без палаток, поклажи и тяжелых вещей выступит в поход через три-четыре дня. Она имеет пять 24-фунтовых орудий и десять – калибром от 4 до 8 фунтов. Сераскиром [командующим. – А. Ч.] в этом предприятии назначен Реджеб-паша, но Хуссейн-паша и Мустафа-паша, опытные в военном деле, будут руководить военными действиями. Великий визирь отправится несколько дней спустя после их ухода, чтобы лично присутствовать при атаке, соблюдая, однако, инкогнито. Он мне предложил его сопровождать, что я и собираюсь сделать, если здоровье позволит. Согласно полученным сведениям, не думаю, что этот форт продержится дольше недели»⁹¹.

Таким образом, при достаточно высокой степени готовности обеих сторон договариваться о мирном разрешении конфликта путем эвакуации Восточной армии из Египта, на этом отрезке времени подобный шанс был упущен. Клебер, не доверяя противнику, осторожничал и действовал слишком медленно, очевидно, даже не подозревая о том, сколь узким окном возможностей обладает его контрагент – Юсуф-паша, который не мог надолго останавливать свою армию без риска ее потерять. А поскольку в течение трехнедельной паузы сторонам не удалось не только прийти к согласию, но хотя бы даже вступить в прямой диалог, великому визирю ничего не оставалось, как вновь привести в движение свое многотысячное воинство, дальнейший путь которого пролегал теперь через Эль-Ариш.

Развязка

21 декабря Дезе и Пусьельг отправили Клеберу известие о том, что корабль Смита появился, наконец, близ Дамьеты⁹². В тот же вечер командор прислал им приглашение со следующего же дня приступить к переговорам. Более того, дабы максимально ускорить переход к обсуждению конкретных условий возможного соглашения, Смит уже в этом письме передал французам предложение визиря временно очистить Эль-Ариш и Катию под обещание вернуть оба форта обратно, если договориться не удастся. В противном случае «Великая османская армия», уже стоящая на краю пустыни, предупреждал англичанин, просто вынуждена будет идти вперед, что неизбежно приведет к кровопролитию⁹³.

⁹¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 907. Л. 65-66.

⁹² Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. Р. 333-334.

⁹³ Ibid. Р. 347-348.

22 декабря французские парламентарии поднялись на борт «Тигра», где и провели первый раунд дискуссий. Вечером они спустились на берег, чтобы переночевать в форте Лесбех, откуда отправили в Каир сообщение о первом обмене мнениями, отметив, что предложение сдать Эль-Ариш и Катю в качестве условия перемирия они с ходу отмели как смешотворное⁹⁴. На следующий день переговоры возобновились. Однако повлиять на судьбу гарнизона Эль-Ариша они уже не могли.

Ранним утром того же 22 декабря авангард Реджеб-паши приблизился к Эль-Аришу. В течение дня подтянулись и остальные части корпуса⁹⁵. Началась осада, подробности которой мы можем узнать из «Дневника» капитана Бушара.

До вечера турки растекались по окрестностям форта, занимая исходные позиции. В 16 часов Реджеб-паша прислал парламентаря с предложением о сдаче, которое Казаль вполне предсказуемо отклонил. Гарнизон был хорошо укомплектован и обладал достаточным запасом продовольствия и боеприпасов⁹⁶, чтобы продержаться те несколько недель, которые требовались основным силам армии для подхода на выручку. С наступлением темноты комендант отправил последнего из имевшихся в его распоряжении арабских лазутчиков в Каир с зашитым под подкладкой письмом к Клеберу. Много позже выяснится, гонец до места так и не добрался⁹⁷.

Если при сражениях в поле турецкие войска тогда нередко оказывались слабее европейских, более дисциплинированных и лучше выученных, то при ведении осад и при обороне крепостей турки, напротив, практически ни в чем им не уступали. Особенно это касалось инженерных работ. Уже за первую ночь осады Эль-Ариша турки проложили первую параллель в 500 м от стен и построили на возвышенностях батареи, откуда начали систематическую бомбардировку форта.

Весь день 23 декабря был заполнен обычной рутинной осадных будней. Турки оборудовали новые огневые позиции и продолжали тянуть и углублять траншею. Французы артиллерийским обстрелом из крепости и ружейным огнем из укреплений предполья

⁹⁴ Ibid. P. 346-347.

⁹⁵ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 42-43.

⁹⁶ 3 000 ядер и артиллерийских гранат, 300 тыс. ружейных зарядов, по оценке капитана Бушара. – Ibid. P. 42.

⁹⁷ Ibid. P. 44.

стремились им в этом помешать, одновременно восстанавливая у себя то, что было разрушено неприятельскими снарядами.

24 декабря стороны действовали по тому же сценарию. Турки, получавшие снабжение по морю, продолжали вести круглосуточную артиллерийскую бомбардировку форта и под прикрытием огня возводить всё новые батареи в его окрестностях. Закончив строительство первой параллели, они заложили вторую уже в 300 м от крепостных стен.

25 декабря было отмечено жаркой артиллерийской дуэлью, в ходе которой французам удалось подавить одну из вражеских батарей. Однако турки, продолжая тянуть вторую параллель и постепенно продвигаясь вдоль стен, вынудили французских стрелков покинуть предполье и отступить под стены форта. В тот же день к Эль-Аришу прибыл сам великий визирь с дополнительной артиллерией. Очевидно, соблюсти инкогнито ему не удалось, поскольку его приезд, по свидетельству капитана Бушара, был зафиксирован французами.

В ночь на 26 декабря турки заложили ход сообщения между первой и второй параллелями, продолжая под прикрытием огня своих батарей вести его и с наступлением дня. Турецкие стрелки заняли позиции вблизи форта, ведя по нему прицельный ружейный огонь, но были опрокинуты и отброшены стремительной вылазкой французских солдат с личным участием коменданта⁹⁸.

Несмотря на то, что оборона форта шла вполне успешно и у его защитников имелось более чем достаточно ресурсов для дальнейшего сопротивления, вечером того же дня прозвенел первый тревожный звонок. Начальник артиллерии сообщил коменданту, что среди солдат замечено брожение: идет сбор подписей под неким подстрекательским письмом. Казаль предупредил о том командиров рот, приказав проявлять повышенную бдительность. Однако уже наутро ростки бунта, посеянные подполковником Бромлеем, проклюнулись на поверхность. Рассказывает капитан Бушар:

«В 8 часов капрал 13-й полубригады принес письмо коменданту. Этого человека дотошно расспросили, но он не смог или не захотел ничего сказать ни о содержании письма, ни о том, от кого он его получил. Похоже, он не состоял в заговоре. По крайней мере, его имени не было среди подписантов. <...> Это письмо, сопровождавшееся вось-

⁹⁸ Ibid. P. 44-48.

мьюдесятью подписями солдат и унтер-офицеров разных подразделений, было выдержано примерно в следующих выражениях:

“В форте Эль-Ариш, 4 нивоза VIII года Республики единой и неделимой [25 декабря 1799 г.].

Благоразумие, недоверие, память о Яффе⁹⁹.

Солдаты, составляющие гарнизон Эль-Ариша, гражданину коменданту форта.

Извольте, гражданин комендант, сдать находящийся под вашим командованием форт врагу в течение 12 часов. Убежденные в том, что больше не можем оказывать сопротивление; видя, что для ухода за ранеными нет больше ни инструментов, ни медикаментов, мы вас призываем покончить с этим делом и снискать уважение своих товарищей”¹⁰⁰.

Комендант, собрав офицеров, ознакомил их с содержанием послания, после чего было принято решение утром следующего дня провести общее построение личного состава, где рассказать о сложившейся ситуации и о том, «каким позором они покроют себя в глазах даже османской армии», если там узнают о происходящем внутри форта.

День прошел как обычно: осажденные и осаждающие вели инженерные работы, пытаясь артиллерийским и оружейным огнем воспрепятствовать в том неприятелю. За ночь турки установили еще одну батарею, ближе к форту, что позволило усилить его обстрел.

На рассвете 27 декабря гарнизон в полном составе был построен внутри крепости. На стенах остались только дозорные. Перед строем вынесли знамя 13-й полубригады. Комендант обратился к подчиненным, сообщив, что в распоряжении защитников форта имеется достаточно ресурсов для обороны и что солдаты покроют себя беспримерным позором, предпочтя воинской чести трусливую сдачу в плен. «Вы надеетесь, – добавил он, – вернуться во Францию, но вам известно, у вас есть обязательства и долг чести перед родиной. Франция отвергнет тех, кто предаст ее и опозорит»¹⁰¹.

Речь Казаля, сообщает капитан Бушар, то и дело прерывалась мятежными возгласами, исходившими в основном от роты грена-

⁹⁹ Очевидно, авторы письма напоминают о резне жителей Яффы французами после взятия ее штурмом 3 марта 1799 г. и о массовом истреблении в тот же день, по приказу Бонапарта, пленных турецких солдат, опасаясь, что в случае дальнейшего сопротивления турки поступят с ними так же.

¹⁰⁰ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 48-49.

¹⁰¹ Ibid. P. 50.

дерев. Когда комендант закончил, шум усилился. Большая часть состава гарнизона демонстрировала неповиновение. Офицеры тщетно пытались навести порядок, взывая к чести своих подчиненных. Тогда Казаль снова обратился к солдатам, предложив тем, кто не желает больше сражаться, просто пойти и сдаться неприятелю, для чего приказал открыть крепостные ворота. Никто, однако, не двинулся с места. Крики прекратились, порядок был восстановлен. Подразделения разошлись по своим позициям¹⁰².

В течение дня никаких радикальных изменений в ситуации не произошло. Осаждающие вели обстрел крепости и, вгрызаясь в землю, продолжали приближаться к ее стенам. Гарнизон отвечал интенсивным огнем. С наступлением темноты комендант собрал у себя командиров подразделений и предложил арестовать зачинщиков бунта, но офицеры сочли эту меру неисполнимой в сложившихся условиях, учитывая большое количество подписантов и поддержку, оказываемую им большинством личного состава. Казаль был вынужден ограничиться очередным призывом к бдительности и советом командирам лично показывать пример храбрости своим подчиненным.

Ночью активность военных действий лишь усилилась. Две роты саперов под командованием капитана Бушара совершили вылазку, отбросив приблизившихся к стенам турок, и на их плечах ворвались во вторую параллель. Французские артиллеристы также вели интенсивный огонь и сумели к утру подавить одну из неприятельских батарей, действовавшую под руководством английских офицеров. В свою очередь, артиллерия осаждавших нанесла серьезный ущерб укреплениям форта, хотя, отмечает Бушар, и не смогла пробить брешь в его стенах¹⁰³.

В тот же самый день, 27 декабря (6 нивоза по республиканскому календарю), командующий французской дивизией в Салихии генерал Рейнье написал Клеберу в Каир о том, что под Эль-Аришем происходит неладное. 28-го курьер увез в Салихию ответ главнокомандующего:

«Я только что получил ваше письмо от 6 нивоза, где вы сообщаете мне о присутствии врага между Эль-Аришем и Катией и о присутствии великого визиря под Эль-Аришем. Хотя мне, как и вам, трудно поверить в эти известия, тем не менее, надо действовать так, как если

¹⁰² Ibid. P. 50-51.

¹⁰³ Ibid. P. 51-53.

бы они были обоснованными: собрать ваши войска в Салихии и усилить Катию, ибо, если неприятель займет последнюю, возможности поддерживать сообщение с Эль-Аришем не останется.

Жду только сообщения от вас, чтобы выступить с остальной армией к Бельбейсу. Соответственно необходимо активно поддерживать связь между нами. Что меня успокаивает, так это начавшийся вчера марш Морана с двумя батальонами 25-й полубригады к Катии. Если каждый выполнит то, что должен, этих пятнадцати батальонов окажется достаточно для того, чтобы остановить всё то, что визирь имел неосторожность двинуть против нас»¹⁰⁴.

Учитывая расстояния между упомянутыми в депеше пунктами, гарнизону Эль-Ариша нужно было продержаться примерно неделю до подхода основных сил Восточной армии.

И ход боевых действий 28 декабря показывал, что эта задача ему вполне по силам. В течение дня турки продолжали тянуть траншеи, сокращая расстояние до стен, но французская пехота, выдвинувшись из форта, вынудила неприятеля прервать работу до темноты. Артиллерия весьма эффективно вела дуэль с вражескими батареями, используя, в частности, те вражеские ядра и неразорвавшиеся бомбы, которыми была покрыта земля внутри форта. Правда, ночью турки возобновили земляные работы и вновь стали неуклонно продвигаться вперед. Выдвинутые в предполье французские стрелки вынуждены были с приближением турецких траншей покидать свои позиции одну за другой¹⁰⁵.

Зато 29 декабря с самого утра в Эль-Арише стали происходить странные события. Как засвидетельствует капитан гренадеров Николя Феррэ (Ferray) в рапорте командованию о происшедшем в тот день, составленном 16 января 1800 г. в лагере под Салихией, уже поутру «большая часть гарнизона напилась водки и была пьяна, хотя комендант и не приказывал производить раздачу»¹⁰⁶.

Когда же в 7 утра турецкая пехота неожиданно ринулась на штурм Эль-Ариша, охрана двух находившихся за стенами постов бросила свои позиции, даже не попытавшись принять бой, и постыдно, по определению Бушара, бежала в форт. Покинутые укрепления немедленно были заняты неприятелем. Столь быстрое

¹⁰⁴ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 3. P. 365.

¹⁰⁵ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 54-56.

¹⁰⁶ Rapport du citoyen Ferray, capitaine des grenadiers de la trezième brigade, sur ce qui s'est passé à El-Arich // La chute d'El-Arich. P. 110.

приближение противника вплотную к стенам крепости и бесславное бегство части гарнизона с поля боя вызвали панические настроения у остальных. Послышались крики, что надо немедленно сдать, пока турки не ворвались внутрь.

Дабы вернуть утраченные посты, комендант приказал капитану Феррэ и его гренадерам выбить турок оттуда. Капитан бросился в атаку, но за ним последовали лишь трое солдат, прочие остались на месте и категорически отказались сражаться¹⁰⁷.

Мятеж перекинулся и на другие роты. Солдаты бросали позиции, крича, что командование покинуло форт на произвол судьбы и собирается принести их в жертву. Пехотинцы швыряли ружья на землю, артиллеристы оставляли орудия. Несколько гренадеров взобрались на стены и, скрестив ружья в знак прекращения сопротивления, стали взывать к неприятелю. Кто-то из мятежников сорвал трехцветный флаг с древка. Турки, видя происходящее, покинули окопы и столпились у гласиса, требуя, чтобы им открыли ворота.

Комендант Казаль, надеясь выиграть время и не позволить врагу немедленно захватить форт, отправил капитана Бушара парламентаром к великому визирю с предложением о перемирии. Капитан помахал белым листком бумаги, показав, что собирается вести переговоры, и спрыгнул с парапета в толпу турецких солдат, которые немедленно обобрали его до нитки. Оставив француза в одних лохмотьях, они поволокли его в сторону от форта, намереваясь отрубить голову. По счастью, они наткнулись на Мустафашу, известного, по словам Бушара, «своей храбростью и гуманностью». Он-то и спас жизнь французу, приказав отвести его к великому визирю. В османский лагерь капитан прибыл уже не как парламентар, а как пленник¹⁰⁸.

В своем «Дневнике» Бушар подробно рассказывает и о том, что случилось в Эль-Арише после его ухода. Однако, поскольку делает он это с чужих слов, приведу свидетельство непосредственного участника событий – капитана Феррэ:

«Комендант и офицеры предпринимали тщетные усилия, чтобы заставить солдат и канониров продолжать огонь и убрать белые флаги; всё было бесполезно; взбунтовавшиеся трусы зывали со стен к туркам, которые, покинув окопы, толпою приблизились к форту.

¹⁰⁷ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 56-57.

¹⁰⁸ Ibid. P. 58-60.

Некоторое время спустя, тут уже была вся турецкая армия, пехота и кавалерия. Солдаты спускали со стен веревки, чтобы помочь туркам забраться в форт. Потерна¹⁰⁹ оказалась непонятно каким образом открыта, и форт мигом наполнился турками, обезоружившим гарнизон и принявшимся рубить головы тем самым людям, которые бросали им веревки, помогая забраться. В этот момент комендант Казот [sic! Правильно – Казаль – А. Ч.] попытался подписать капитуляцию с Селимом Мустафа-пашой и английским офицером, прибывшими в форт. Это удалось. Гарнизон должен был сложить оружие и сдать в плен. Но призвать турок к порядку оказалось невозможно. Те французы, что попали в руки турецких или английских офицеров, были отведены в лагерь великого визиря. Остальные, уstraшенные примером тех, кому отрубили голову, не хотели сдаваться и сопротивлялись еще в течение получаса после вступления турок в форт. Капитан Феррэ¹¹⁰ находился уже в лагере визиря, когда раздался взрыв порохового склада. Французы, еще находившиеся вблизи форта, когда произошел взрыв, стали жертвой конвоировавших их турок. Те отрубили им головы, в том числе шефу батальона Гранперу»¹¹¹.

Французский Эль-Ариш пал. Это поражение стало одним из наиболее кровопролитных для Восточной армии за время всей Египетской экспедиции. Из 450 чел. гарнизона в плен, по свидетельству капитана Бушара, попало лишь 160. Остальные погибли. Характерно, что почти за неделю боев до рокового дня 29 декабря потери французов составили лишь 5 убитых. Все остальные, включая находившихся в лазарете 35 раненых, погибли при штурме и, особенно, в последовавшей за сдачей форта резне¹¹². Эти сведения подтверждаются в целом и официальной реляцией турецкого командования о взятии Эль-Ариша: «В плен взяты сто пятьдесят человек с комендантом во главе. Больше никто не спасся: все были преданы мечу»¹¹³.

О потерях армии Юсуф-паши турецкая реляция умалчивает. Капитан же Бушар приводит якобы произнесенную визирем в его присутствии фразу о 6 тыс. павших при взятии Эль-Ариша турок¹¹⁴, но в данном отношении это слишком ненадежный источ-

¹⁰⁹ Потерна – скрытый выход из крепости.

¹¹⁰ Автор рапорта пишет о себе в третьем лице.

¹¹¹ Rapport du citoyen Ferray. P. 110.

¹¹² Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 67.

¹¹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 907. Л. 68об.

¹¹⁴ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 72.

ник, чтобы верить ему на слово. Однако даже официальная реляция отмечает значительные потери османов от взрыва порохового погреба форта, взлетевшего на воздух по так и оставшейся неизвестной причине. Там, в частности, погиб и Мустафа-паша¹¹⁵, которому Бушар оказался обязан жизнью.

31 декабря в лагерь визиря прибыл курьер с сообщением, что на корабле «Тигр» командор Смит и французские парламентарии договорились приостановить военные действия на время ведения переговоров¹¹⁶. Гарнизону форта до спасения не хватило всего лишь двух дней.

Впрочем, в дальнейшем мирные переговоры шли уже без заминок. Решающее влияние на их ход оказало именно падение Эль-Ариша. Клебер, по-прежнему не сомневаясь в превосходных боевых качествах своих солдат, больше не был уверен в том, что они захотят эти качества применить в нужный момент. Оставалось только форсировать достижение договоренности, забыв об амбициозных требованиях, не имевших прямого отношения к Египту. Это и позволило меньше чем через месяц, 23 января 1800 г., заключить соглашение об эвакуации Восточной армии, которое стороны подписали в теперь уже турецком форте Эль-Ариш.

Список литературы

- АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906 [АВПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906].
 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 907 [АВПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 907].
 Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 2-3. Paris: Institut français de l'archéologie orientale, 1988-1995.
 La chute d'El-Arich (Décembre 1799) / Préfacé et annoté par G. Wiet. Le Caire : Revue du Caire, 1945.
 La Jounquière C. L'expédition d'Égypte (1798-1801). Nouv. éd. Paris : Editions Historiques Teissèdre, 2003. 5 vols.
 Lachouque H. Sous la République et Napoléon, un gentilhomme d'aventure, le Général de Tromelin. Paris : Bloud et Gay, 1968.
 Laurens H. L'expédition d'Égypte 1798-1801. Paris : Editions du Seuil, 1997.

¹¹⁵ Ibid.; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 907. Л. 68об.

¹¹⁶ Bouchard P.F.X. Journal historique. P. 73

Alexander V. Tchoudinov

THE FALL OF THE FRENCH EL-ARISH. DECEMBER 1799

The article is devoted to the one of the most important periods of the history of the Egyptian campaign of the French army of Orient from August to December 1799. Then, after the flight from Egypt of Napoleon Bonaparte, his successor, General Kleber, was compelled to urgently take over the leadership of the troops and the occupation administration while trying to prevent the invading of the Ottoman army from Syria. The perfectly conceived military and political combination of Kleber, who sought to play on the contradictions of the powers of the anti-French coalition, collapsed due to a number of circumstances that did not depend on him, in particular, because of the catastrophic fall of morale of the French occupation troops after a year of their stay in the Orient. The result of the diplomatic failure of Kleber was the fall of the French frontier fort El Arish, which proved to be one of the bloodiest defeats of the army of Orient during the Egyptian expedition.

Keywords: history, France, Egyptian campaign of 1798-1800, occupation, diplomacy, N. Bonaparte, J.B. Kleber